
От Тересы, моей канадской тетки, пришло письмо. Не бог весть какое событие, писем от нее приходило немало, но в этом уточнялось время приезда в Польшу на лето. Теткинны письма давно были преисполнены тоской по волнующимся под легким ветерком бескрайним нивам и жаворонкам, чирикающим в голубой выси, будто ничего такого в Канаде нет. И наконец тетка решилась. Самолет, доставляющий группу канадских поляков и нашу Тересу, прибывал в аэропорт Окенче четырнадцатого июня в полвосьмого утра.

Наше семейство охватила тихая паника. Заграничную родственницу хотелось принять как можно лучше, а кто знает, какие прихоти могут прийти в голову особе, развращенной воздействием загнивающего капитализма. Сложности возникали буквально на каждом шагу.

— Езус-Мария, святой Юзеф! — вздыхала моя мама, старшая сестра Тересы. — Чем мы ее станем кормить? Когда она приезжала последний раз, то ела одну только нежирную ветчину. Где я ей возьму нежирную ветчину?

— А жирная найдется? — ехидно поинтересовалась моя вторая тетя, Люцина, родная сестра мамули и Тересы. — Если найдется жирная, то ведь жир можно и отрезать...

Моя третья тетя, Ядя, сестра отца, женщина нрава тихого, с ангельским характером, высказала робкое предположение — может, Тереса довольствуется обезжиренным творогом? Его ведь купить легко... Отец по простоте душевной предложил кормить тетю Тересу телятиной и тем самым смертельно оскорбил мамулю, которая такое предложение не могла расценить иначе как издевательство. К дискуссии подключились дальние родственники, каждый со своими предложениями, но ничего путного никто из них так и не посоветовал.

Лично я участия в дискуссии не принимала, не до того было. Мне предстояло решить проблему значительно более важную — встретить тетю Тересу, а поскольку прилетала она в несусветную рань, необходимо было прибыть к этому времени в аэропорт, и желательно проснувшись. Правда, был в моей жизни период, когда приходилось рано вставать. Тогда по всей Польше архитектурно-проектные мастерские обязаны были начинать работу в шесть утра. К счастью, период этот продолжался

недолго — до тех пор, пока один из столпов нашей профессии на одном из очень важных совещаний в верхах в присутствии очень высоких должностных лиц не заявил, что шесть утра — время на редкость неудачное: доить коров уже поздно, доить архитекторов еще рано. Заявление было принято к сведению, начало работы мастерских перенесли на более позднее время. Однако с той поры прошло пять лет, а за эти годы я как-то привыкла встречать рассветы, так сказать, с другой стороны.

За оставшееся до приезда тетки время пришлось потренироваться, в результате чего я кое-как приучила себя к раннему вставанию, и в урочный день, четырнадцатого июня, в семь пятнадцать была готова выйти из дому. Телефонный звонок заставил меня вернуться от входной двери. Звонил отец. Он узнал, что самолет канадских авиалиний прибывал сегодня не в полвосьмого, а в десять пятнадцать.

В аэропорт я прибыла в десять двадцать. Ехала спокойно, никакие предчувствия не омрачали мою душу. Машину припарковала с задней стороны большой стоянки и отправилась в здание аэровокзала, где по очереди отыскала отца, тетю Ядю и Люцину. Мамы не было.

— Твоя мать сидит в туалете у меня в квартире, — удовлетворила мое любопытство Люцина. — У нее на нервной почве расстройство желудка. Я велела ей там и оставаться, лучше нужник в моей квартире, чем здесь, в аэропорту. Ты знаешь, во сколько она заявила ко мне?

Зная собственную родительницу, я предполагала, на что она способна, и поэтому с легким беспокойством произнесла:

— Рано, наверно? А что?

— Ну вот скажи, сколько, по-твоему, нужно времени, чтобы добраться от меня до аэропорта?

Люцина жила на территории воздушной гавани, там, где заканчивались взлетное поле и постройки, у автобусной остановки. Вряд ли можно жить ближе к аэропорту.

И все-таки я немного подумала, прежде чем ответить, опять же не желая компрометировать собственную мать.

— Не знаю, сколько времени идет автобус.

— Три минуты, — холодно информировала Люцина.

— Тогда в общей сложности хватит десяти минут, — пришлось честно признать.

— Вот именно, десять минут. А твоя мать заявила в полшестого, разбудила меня и потребовала немедленно отправляться в аэропорт, иначе опоздаем. Только мне ты обязана тем, что отец позвонил тебе, после того как мы узнали о задержке вылета самолета, иначе, как дура, торчала бы в аэропорту с восьми утра.

Канадский самолет приземлился около одиннадцати часов. В большом зале аэропорта при известии об этом воцарилось сущее столпотворение, как обычно с прибытием заокеанских поляков. Встречающие устремились на балкон, с которого открывался прекрасный вид на прибывших родственников и их багаж перед таможенным досмотром. Я тоже устремилась, и мне даже удалось протолкаться к самому барьеру.

— Вижу Тересу! — громким криком известила я своих. — В красной кепке, у самого выхода! Похоже, первая пройдет таможду. Люцина, быстро вниз!

С трудом пробившись сквозь толпу на балконе, я тоже спустилась к двери, через которую по одному

выпускали пассажиров, прошедших таможенный досмотр. Все мои родичи обнаружили там. Оказывается, отец тоже углядел Тересу в каком-то красном горшке на голове и сказал об этом тете Яде, но та не поверила, сетуя на старческую деменцию брата, хотя тот был точен, — так и у кого из них проблемы?

В ожидании Тересы мы обсуждали ее странный головной убор. Люцина предположила, что безобразную красную шляпу сестра надела исключительно из уважения к нашему государственному строю, знаете ведь, какая там у них может быть пропаганда, вот бедная женщина и решила не дразнить гусей, сделать из себя посмешище...

Тем временем ожидающие подтянулись к двери таможни и так напирали на нее, что пришлось выйти вежливому таможенному чиновнику, который попытался мягко пристыдить народ. Тот внял и перестроился широким полукругом.

Упомянутая дверь, как известно, открывается только изнутри. Каждый раз, как кто-нибудь из прилетевших выходил, встречающие предпринимали попытку заглянуть внутрь, придерживая створку в открытом положении. Предлогом обычно служило желание помочь обитателю той половины мира

вытащить свои чемоданы. Только одна костлявая деревенская баба не прибегала ни к какому камуфляжу. Заливаясь слезами и беспрестанно шмыгая носом, она мертвой хваткой вцепилась в дверь и держала ее в открытом положении, что по каким-то соображениям было нежелательно таможенными властям. Вежливый таможенник опять вышел и уважительно попросил бабу освободить створку. Та отпустила на минуту, дождалась, пока таможенник скрылся, и сразу приклеилась к несчастной двери после следующего прибывшего. Полукруг встречающих воодушевился и тоже приблизился. Снова вышел таможенник и снова принялся уговаривать бабу. Симулируя глухоту и общую недоразвитость, та не покидала позиции. Остальные не выдержали и подступили к ним вплотную. Неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы из дверей вдруг не вылетела совершенно необъятных размеров сумка-чемодан, направленная мощным пинком по скользкому полу, и не разделила полукруг напиравших на две части. За ней последовали еще две, внося смятение в ряды ожидающих. Баба ловко пропустила чемоданы и опять припала к створке. Стало ясно, что живой ее не оторвать. Напряжение росло. Таможенник оставил бабу в покое и только